

Используемая литература

1. Доманский В.А. Русская усадьба в художественной литературе XIX века: культурологические аспекты изучения поэтики // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2006. – № 291 (июнь). – С. 56-60.
2. Загидуллина М. Международная конференция «Пищевой код в славянских культурах» // НЛО. – 2009. – №95. – С. 418-428.
3. Каша на Руси. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://zdorovaya-eda.com/produkty/kasha-na-rusi-kasha-by-la-izvestna-s-glubokoy-drevnosti-vsem-zemledelcheskim-narodam> (дата обращения: 12.03.2019).
4. Коды повседневности в славянской культуре: еда и одежда. – СПб.: Алетейя, 2011. – 560 с.
5. Козубовская Г.П., Корнеева Л.В. Мотив еды/пищи в романе И.С. Тургенева «Дворянское гнездо» // Scitechnology: ежемесячный международный журнал. – 2017. – №3. – С. 28-31. – [Электронный ресурс]. – URL: https://scitechnology.ru/wp-content/uploads/2017/10/scitechnology_-
6. Молоко – напиток богов. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://via-midgard.com/news/21483-moloko-napitok-bogov.html>
7. Топоров В. Н. Еда // Мифы народов мира: Энциклопедия: в 2 т. Т. 1. – М.: Советская энциклопедия, 1988. – С. 427-429.
8. Тургенев, И. С. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. – М.: Наука, 1981. – Т. 6. Дворянское гнездо; Накануне; Первая любовь: [Романы, повесть], 1858-1860 / [подгот. и примеч. М.П. Алексеева и др.]. – 495 с.
9. Фокин, П. Тургенев без глянца. – М.: ЗАО ТИД «Амфора», 2009. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://libking.ru/books/nonf-/nonf-biography/547034-2-pavel-fokin-turgenev-bez-glyantsa.html#book>
10. Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. – М.: Лабиринт, 1997. – 448 с.

*Е.М. Первалова
Россия, г. Иркутск,
Иркутский государственный университет
Научный руководитель к.фил.н., доцент М.Л. Штуккерт*

ТЕМА СТРАХА В РОМАНТИЧЕСКОЙ НОВЕЛЛИСТИКЕ В. Ф. ОДОЕВСКОГО И Э.Т.А. ГОФМАНА

Аннотация

В статье рассматривается категория страшного в творчестве писателей эпохи романтизма – Одоевского и Гофмана – в связи с художественной философией обоих авторов. Предварительно были выявлены образы и мотивы, вводящие в произведения страшное, разграничены виды страха. В качестве объекта исследования выбран ряд новелл из романа В.Ф. Одоевского «Русские ночи» и Э.Т.А. Гофмана из сборника «Ночные этюды».

Ключевые слова: романтизм, двоемирие, тема страха, В.Ф. Одоевский, Э.Т.А. Гофман

Как известно, усиление интереса искусства к фантастическому и необъяснимому в романтическую эпоху проистекает из мироощущения романтиков. Для них мир загадочного, непостижимого составляет антитезу обыденной реальности. При этом существует возможность различных трактовок «взаимоотношений» реального и сверхъестественного: от синтетизма до резкого противопоставления. В связи с этим представляется интересным, какое место может занимать категория страшного в этом новом мироощущении, каким образом ее присутствие в произведениях и ее специфика обуславливается романтическим мировидением.

Интересным представляется рассмотрение этой проблемы на примере новеллистики Одоевского и Гофмана. Сложилась традиция изучения произведений Одоевского в контексте творчества Гофмана, и русского романтика признают едва ли не самым талантливым его последователем. Так, В.Г. Белинский [1] видел в «фантастическом направлении» Одоевского влияние Гофмана, Пэсседж [4] усматривал сходство в сюжетах и мотивах их произведений. В самом деле, черты, сближающие обоих романтиков, можно отметить в художественном методе и в философии. Оба художника испытывают интерес к мистике, темным сторонам человеческой психики, вводят в тексты фантастическое и ужасное, которое часто соседствует с обыденной реальностью. Однако на основании анализа некоторых новелл возможно определить и различия, что позволит выявить специфику художественного метода каждого из авторов и стоящей за ним художественной философии. Нас будут интересовать прежде всего «страшные» новеллы: «Бал», «Последнее самоубийство», «Город без имени» В.Ф. Одоевского и «Песочный человек», «Пустой дом» Э.Т.А. Гофмана.

На основании анализа произведений можно прийти к выводу о том, что специфика страшного во многом определяется особенностями конструирования двоемирия.

Так, в новеллах Одоевского прослеживается противопоставление реального и идеального, но двоемирия как расколотости мира нет. Поэтому злое начало не имеет абсолютной силы: оно преодолевается универсализмом, входит в мировой порядок только на правах одной из частей. Автором не предпринимается попытка утверждения иррациональности и непознаваемости мира: признается лишь ограниченность возможностей его понимания, существование загадочных явлений. Как романтик, Одоевский настаивает на необходимости не только логического, но и интуитивного познания мира.

В этой связи можно упомянуть о характерном только для произведений Одоевского страхе перед абстрактными идеями (социальными, политическими и т.д.). Например, в новелле «Город без имени» показаны трагические последствия претворения в жизнь теорий Бентама, Смитта. «Примеряя» к жизни эти идеи, автор демонстрирует несостоятельность попыток объяснения мира только с помощью рационалистических теорий. Но сознание

несовершенства представленных концепций не приводит автора к мысли об иррациональности мира и его принципиальной непознаваемости.

У Гофмана двоемирие выражено более ярко, «классически»: есть достаточно резкое противопоставление реального и идеального миров. Несмотря на это, они могут проникать друг в друга, оказывать обоюдное воздействие, и к этому особенно чувствителен человек. Жуткое возникает из-за приближения к враждебной иррациональной составляющей мира, является симптомом его раздвоенности, дисгармоничности. Гофманом не показаны пути искоренения зла, его преодоления. Герои как внезапно подпадают под сферу влияния враждебного начала, так могут и выйти из этой сферы, но понимания скрытой сути произошедшего это не может дать.

В качестве иллюстрации может быть упомянута представленная во многих новеллах размытость границ между одухотворенным и неодухотворенным, которая часто выявляется с помощью мотива «живого» механизма. Возникает страх перед подменой механическим живого и самобытного, торжеством искусственного над живой жизнью. Поражает недоказуемость правильности понимания, истолкования мира.

При конструировании двоемирия Гофман и Одоевский различно расставляют акценты.

У Одоевского зачастую говорится о зле, берущем начало в мире людей. Внешний мир в представлении Одоевского не бездуховен, не злонамерен по отношению к человеку (как исключение можно воспринимать новеллу «Последнее самоубийство»).

Так, в новеллах Одоевского страх перед изобилием материального связан с отсутствием духовного измерения в жизни общества. Для этого вида страха характерна связь с мотивами несвободы, затрудненности дыхания. В новелле «Бал» вводится мотив пляски смерти, представляющий все бытие человека отождествленным с жизнью его тела; в новелле «Насмешка мертвеца» присутствует апокалиптический мотив, развивающийся на базе образа потопа. Автор, вопрошающий нравственность человека, сливает свой голос именно с голосом природы, гнев которой вызван невозможностью оправдать перед миром существование человека. Часто именно общество довлеет над человеком и лишает его духовной свободы.

Представляется важным обратиться к новелле «Косморама», характерной с точки зрения выраженности художественной философии автора. В новелле раскрывается панорама битвы духовных сил, в которой зло предстает сетью, опутавшей несколько поколений и семейств. Значимо, что автор, давая своим героям и читателю возможность ясно увидеть зло, тем самым обессиливает его. Автор выражает идею ответственности человека за каждую мысль и поступок. Это позволяет сделать вывод о том, что внешний мир формируется людскими мыслями и чувствами и не может быть враждебным сам по себе.

У Гофмана враждебное начало коренится во внешнем мире; противоборство сил в нем воздействует на человека, изменяет его. Поэтому нельзя признать людей ответственными за зло. Повседневный мир часто предстает бездуховным, не допускающим человека до высших сфер. Таким

образом, мир у Гофмана может быть враждебным, представлять как иррациональное начало, не поддающееся объяснению.

Страх перед избытком материального имеет у Гофмана дополнительную коннотацию – страх перед обыденностью. Повседневный мир предстает утратившим естественные пропорции, его бездуховность нередко выражается с помощью гротеска. Именно во внешнем мире коренится враждебное начало, не допускающее человека до высших сфер.

Итак, названными особенностями конструирования двоемирия обусловлено наличие в новеллах Одоевского сильного социального, общественного подтекста страха. Автор показывает, что ответственность за существование зла в мире лежит и на человеке, и на обществе в целом. Часты размышления о том, правилен ли избранный путь развития, искажает ли он природу человека, противоречит ли законам мироустройства. Отрицательным началом могут представлять, например, общественные установления, способные ограничить духовную свободу.

В новеллах Гофмана мы имеем дело с приходящим извне иррациональным влиянием на человека. Причем страх представлен как индивидуальное переживание, оставляющее человека наедине с миром. Точка зрения избрана так, что читатель видит мир глазами замкнутого в своем сознании героя. Реальность предстает иррациональной, не поддающейся объяснению, а потому враждебной и страшной.

В художественных системах обоих авторов страх – реакция на столкновение со злым, враждебным по отношению к целостности мира и его творческой свободе. Через категорию страха просматривается место человека в мироустройстве, отношение к миру как своего рода индивидуальности, вступающей в контакт с личностью.

Используемая литература

1. Белинский В. Г. Сочинения князя В.Ф. Одоевского // Собр. соч. в 9 т. Т. 7 / В. Г. Белинский – М.: Художественная литература, 1981.
2. Гофман Э.Т.А. Полн. собр. соч. в 2 т. / Э.Т.А. Гофман – М.: Альфа-книга, 2017.
3. Одоевский В.Ф. Русские ночи / В.Ф. Одоевский – СПб.: Наука, 1975. – 325 с.
4. Passage Ch. Russian Hoffmannists / Ch. Passage. Hague : Mouton, 1963.- 261 p.